

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

PHILOSOPHY OF POWER AND MANAGEMENT

УДК 316.77:327.5

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА: ДИАГНОСТИКА УГРОЗ И СТРАТЕГИИ АКТИВНОЙ ЗАЩИТЫ

Антон Иванович Лукаш

Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации
«Российское военно-историческое общество»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Современный этап геополитических отношений характеризуется переносом основного противоборства из физической сферы в сферу когнитивную, где объектом воздействия становятся механизмы мышления, принятия решений и ценностные структуры населения. Наиболее уязвимой категорией являются дети и молодежь, чья психика находится в стадии формирования.

Методы. Исследование базируется на междисциплинарном синтезе постструктуралистской философии (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари), критической теории медиа (Н. Хомский), антропологического подхода (Ю. Н. Харари), теории рефлексивного управления (В. А. Лефевр), теории когнитивных матриц (В. Э. Багдасарян), операционального анализа информационных операций (А. В. Манойло), концепций когнитивного суверенитета (В. Д. Никишин) и ментальной безопасности (А. А. Ковалев), а также на анализе документов РФ, материалов НАТО и данных эмпирических исследований.

Анализ. Рассматриваются концепции когнитивной войны НАТО (три уровня поражения (биологический, психологический, социальный), когнитивное превосходство); документы NextGen Information Environment (нейро-война, агентные системы). Раскрывается теория рефлексивного управления Владимира Лефевра, анализируется технологическая реализация рефлексивного управления через алгоритмы ИИ, включая семантическую фильтрацию данных, онтологическую рамку и эпистемический колониализм. Представлена авторская модель пяти уровней когнитивного поражения. Особое внимание уделяется цифровым угрозам для детей и молодежи: нейрофизиологическая уязвимость детского мозга, данные Global Mind

Project о критическом возрасте 13 лет, дофаминовая зависимость, клиповое мышление, селфхарм, официальная статистика роста преступлений. Предлагаются стратегии активного противодействия: 10 шагов для родителей, рекомендации для педагогов, для государства, когнитивный суверенитет, работа с лидерами общественного мнения.

Выводы. Когнитивная война ведется против каждого гражданина, начиная с детства. Эффективная защита требует перехода к проактивному формированию когнитивной устойчивости на основе принципов когнитивного суверенитета.

Ключевые слова: когнитивная безопасность, когнитивная война, рефлексивное управление, когнитивные матрицы, пять уровней поражения, семантическая фильтрация, когнитивный суверенитет, цифровые угрозы детям.

UDC 316.77:327.5

COGNITIVE WARFARE: THREAT DIAGNOSTICS AND STRATEGIES FOR ACTIVE DEFENSE

Anton I. Lukash

Regional Branch of the All-Russian Public-State Organization
“Russian Military Historical Society”,
Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The contemporary stage of geopolitical relations is characterized by the shift of the main confrontation from the physical sphere to the cognitive domain, where the targets of influence are the mechanisms of thinking, decision-making, and the value structures of the population. Children and youth represent the most vulnerable category, as their psychological and cognitive systems are still in the process of formation.

Methods. The study is based on an interdisciplinary synthesis of post-structuralist philosophy (Michel Foucault, Jacques Derrida, Gilles Deleuze, Félix Guattari), critical media theory (Noam Chomsky), the anthropological approach (Yuval Noah Harari), the theory of reflexive control (Vladimir Lefebvre), the theory of cognitive matrices (Vardan Bagdasaryan), the operational analysis of information operations (Andrey Manoilo), the concepts of cognitive sovereignty (Vladimir Nikishin) and mental security (Andrey Kovalev), as well as on the analysis of Russian Federation documents, NATO materials, and data from empirical studies.

Analysis. It examines NATO’s concept of cognitive warfare (three levels of impact – biological, psychological, and social – and the notion of cognitive superiority), as well as the NextGen Information Environment documents (neuro-warfare and agent-based systems). The theory of reflexive control developed by Vladimir Lefebvre is discussed, and the technological implementation of reflexive control through AI algorithms is analyzed, including semantic data filtering, ontological framing, and epistemic colonialism. The author proposes a model of five levels of cognitive impact. Particular attention is paid to digital threats affecting children and youth: the neurophysiological

vulnerability of the developing brain, Global Mind Project data on the critical age of 13, dopamine-driven dependency, clip thinking, self-harm, and official statistics on rising crime rates. The paper also proposes strategies of active counteraction, including ten steps for parents, recommendations for educators and the state, the concept of cognitive sovereignty, and engagement with opinion leaders.

Conclusions. Cognitive warfare is conducted against every citizen, beginning in childhood. Effective protection requires a transition toward the proactive development of cognitive resilience based on the principles of cognitive sovereignty.

Keywords: cognitive security, cognitive warfare, reflexive control, cognitive matrices, five levels of impact, semantic filtering, cognitive sovereignty, digital threats to children.

Введение. Современный этап развития международных отношений характеризуется фундаментальной трансформацией архитектуры безопасности и переносом основного противоборства из физической сферы в сферу когнитивную. Страны коллективного Запада рассматривают Россию в качестве стратегического противника, против которого развернута полномасштабная гибридная война, включающая информационно-психологические операции, направленные на изменение моделей восприятия, ценностных ориентаций и механизмов принятия решений населением.

Наиболее уязвимой категорией в этой войне являются дети и молодежь, чья психика находится в стадии формирования, а критическое мышление еще не развито [20]. Как отмечается в документах стратегического планирования Российской Федерации, в последние годы наблюдается наращивание информационно-психологического воздействия на несовершеннолетних со стороны спецслужб отдельных государств и аффилированных с ними структур, в качестве угрозы названо внедрение деструктивной идеологии [9; 11]. Помощник секретаря Совета безопасности России Дмитрий Грибков, выступая на «Инфофоруме-2026» с докладом о новой редакции Доктрины информационной безопасности РФ, подчеркнул, что технологии западных IT-компаний, включая широко распространенные мобильные устройства и социальные платформы, используются как инструмент деструктивного воздействия на подрастающее поколение [10].

Концептуальное осмысление этих процессов требует обращения к фундаментальным философским основаниям, а также к анализу стратегических документов и практик коллективного Запада. Особое значение имеет понимание того, как теоретические модели рефлексивного управления реализуются в технологиях искусственного интеллекта и алгоритмического управления, и какую угрозу это представляет для детей и молодежи, проводящих значительную часть времени в цифровой среде.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на основе междисциплинарного подхода систематизировать механизмы когнитивного воздействия, выявить специфику угроз для детей и молодежи и обосновать стратегии активного противодействия, позволяющие перейти от реактивной модели защиты к проактивному формированию когнитивной устойчивости личности и общества.

Методы исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составляет междисциплинарный синтез, включающий:

- системный подход, позволяющий рассматривать когнитивную безопасность как целостную систему взаимосвязанных элементов (источники угроз, каналы воздействия, объекты защиты, механизмы противодействия);
- сравнительно-политологический метод, используемый при анализе институциональных структур НАТО, включая Центр инноваций (iHub) и Центр передового опыта в области стратегической коммуникации (StratCom COE);
- постструктуралистская философия: концепция «власти-знания» М.Фуко, позволяющая понять, как контроль над информационными потоками формирует саму реальность [12]; метод деконструкции Ж. Деррида для анализа бинарных оппозиций и скрытых предположений дискурса [4]; ризоматическая модель Ж. Делёза и Ф. Гваттари для описания децентрализованных сетевых структур современного информационного пространства [3];
- критическая теория медиа Н. Хомского: модель пропаганды и концепция «производства согласия» (manufacturing consent), раскрывающая структурные механизмы формирования общественного мнения в западных демократиях [14];
- антропологический подход Ю. Н. Харари: анализ технологического «взлома человека», кризис либерального субъекта и проблема постправды как новой нормы информационной среды [13];
- теория рефлексивного управления В. А. Лефевра [6];
- теория когнитивных матриц В. Э. Багдасаряна: исследование ценностно-смысловых, исторических, политико-языковых, идентитарных и антропологических структур сознания, выступающих объектами поражения в когнитивных войнах [1; 2];
- операциональный анализ информационных операций А. В. Манойло: теория рефлексивного контроля, управление ожиданиями, психологические игры, вероятностное прогнозирование рисков [7];
- концепции когнитивного суверенитета В. Д. Никишина [8] и ментальной безопасности А. А. Ковалева [5];
- нормативно-правовой анализ актуальных документов стратегического планирования РФ: Стратегия национальной безопасности [9], Основы государственной политики по сохранению традиционных ценностей [11];
- анализ документов исследовательских центров НАТО: доклады Ф. дю Клузеля [18], Б. Клавери и Ф. дю Клузеля [17], отчет «NextGen Information Environment» [16];
- анализ эмпирических исследований цифровых угроз для детей: данные Global Mind Project (2025) [19; 21], исследования воздействия социальных сетей [15].

Анализ. Для понимания природы современных угроз необходимо рассмотреть когнитивную войну как объективный и универсальный феномен, порожденный эволюцией технологий и трансформацией конфликтной среды. В самом широком смысле **когнитивная война** представляет собой форму противоборства, в которой главной целью становится не физическое уничтожение противника или захват территории, а контроль над процессами восприя-

тия, мышления, принятия решений и формирования ценностей у населения страны-объекта. Глубинная суть этого явления заключается в переносе конфликта из физического пространства в сферу эпистемологическую – в пространство знаний, верований и представлений о реальности.

Детерминанты выхода когнитивной войны на доминирующие позиции в современном противоборстве носят системный характер. Во-первых, это достижение **технологической зрелости**: цифровые платформы, алгоритмы искусственного интеллекта, технологии больших данных и нейронаучные методы достигли уровня, позволяющего осуществлять массированное, персонализированное и контекстное воздействие на сознание в реальном времени. Во-вторых, когнитивная война демонстрирует беспрецедентную **экономическую эффективность**: стоимость «поражения» сознания (например, через создание и распространение вирусного мема, дестабилизирующего общественные настроения) на порядок ниже стоимости поражения физических объектов. В-третьих, фундаментальное значение имеет **трансформация природы конфликтов** в условиях глобальной взаимозависимости. Прямая агрессия против ядерной державы становится самоубийственной, а тотальные экономические санкции болезненны для всех участников. Сознание населения остается последним «незащищенным» пространством, где противоборство может вестись с приемлемым уровнем риска для атакующего. Наконец, нельзя игнорировать феномен **постправды**, описанный Ю. Н. Харари: современные технологии позволяют не просто распространять ложь, но «подкармливать» индивида именно той информацией, которую он хочет получить, замыкая его в когнитивных пузырях и делая постправду не отклонением, а нормой функционирования информационно-коммуникационной среды [13].

Крайне важным для корректного анализа является понимание **универсальности феномена когнитивной войны**. Сведение его исключительно к инструментарию конкретных военно-политических блоков методологически некорректно – когнитивное измерение в той или иной форме всегда присутствовало в любом конфликте – будь то борьба за моральный дух войск или поддержка населения. Однако сегодня, благодаря технологиям, эта составляющая становится доминирующей. Уязвимость перед когнитивными операциями универсальна, и все субъекты международных отношений – Россия, Китай, США, страны ЕС – одновременно являются как объектами такого воздействия, так и (в разной степени) разработчиками защитных и наступательных инструментов. Более того, значительная часть механизмов когнитивной войны была разработана не в военных целях, а коммерческими корпорациями для максимизации вовлеченности и прибыли (алгоритмические ленты, таргетированная реклама, геймификация). Их «перепрофилирование» под военно-политические задачи стало возможным благодаря универсальности самих технологий.

Признание универсальности и объективности когнитивной войны как свойства современной среды неизбежно ведет к пересмотру стратегий защиты, формированию способности личности и общества в целом распознавать манипулятивные воздействия и противостоять им, сохраняя ценностную структуру и способность к рациональному целеполаганию.

Философские основания когнитивной безопасности

Мишель Фуко: власть-знание и эпистема

Философия Мишеля Фуко представляет собой ключевой теоретический ресурс для понимания когнитивной войны. Центральным является концепт «власть-знание» (*puissance-savoir*), представленный в работах «Надзирать и наказывать» и «Воля к знанию» [12]. Согласно Фуко, власть и знание непосредственно предполагают друг друга: нет отношения власти без соответствующего поля знания, и нет знания, которое не предполагало бы и одновременно не формировало бы отношений власти.

В контексте когнитивной войны это означает, что контроль над информационными потоками, алгоритмами и нарративами есть не просто техническая задача, но способ производства самой реальности. Фуко вводит понятие «эпистемы» – исторически изменчивых структур, определяющих условия возможности знания в ту или иную эпоху. Современная цифровая эпистема, формируемая алгоритмами больших данных и искусственного интеллекта, задает рамки того, что может быть сказано, увидено и помыслено. Противник, овладевая этими структурами, получает возможность не просто транслировать пропаганду, но формировать саму матрицу восприятия реальности.

Жак Деррида: деконструкция и различие

Философия Жака Деррида предлагает методологический инструментарий для анализа того, как формируются иерархии смыслов и как они могут быть деконструированы. Центральное понятие «деконструкции» представляет собой анализ устройства смысловых структур, выявление скрытых предпосылок и бинарных оппозиций (свой/чужой, истина/ложь, друг/враг), на которых держится дискурс [4]. В когнитивной войне противник активно использует механизмы деконструкции традиционных смыслов, размывая границы между реальным и ложным, подрывая доверие к базовым категориям. Другое важнейшее понятие Деррида – **différance** (различение/различание), указывающее на то, что значение никогда не дано в присутствии, но всегда отсылает к другим знакам, образуя бесконечную сеть различий. В информационной среде это означает, что любой нарратив существует лишь в контексте других нарративов и управление смыслами есть управление этой сетью различий.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари: ризома

Концепция ризомы, разработанная Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари в труде «Тысяча плато», представляет собой одну из наиболее продуктивных моделей для описания современных информационных процессов [3]. В отличие от классической «арбореальной» (древовидной) модели, предполагающей иерархию, центр и линейное развитие, ризома описывает структуру, которая является децентрированной, гетерогенной, множественной, обладает множеством точек входа и выхода. В контексте исследования ризоматическая модель позволяет понять, как устроено современное информационное пространство. Традиционные иерархические СМИ уступают место децентрированным сетевым структурам, где любой пользователь может быть и потребителем, и генератором контента. Противник использует эту ризоматичность для ведения когнитивных операций: нарративы распростра-

няются не сверху вниз, а горизонтально, через множественные точки входа, укореняясь в разнородных сообществах.

Ноам Хомский: производство согласия

Американский лингвист и философ Ноам Хомский в фундаментальной работе «Производство согласия» (Manufacturing Consent), написанной в соавторстве с Эдвардом Германом, предложил «модель пропаганды» для анализа того, как функционируют корпоративные СМИ в западных демократиях [14]. Согласно Хомскому, СМИ не являются независимыми источниками информации, но структурно встроены в систему, которая производит согласие в интересах доминирующих элитных групп. Модель включает пять «фильтров», определяющих, что становится новостью: собственность и контроль; реклама как источник дохода; привлечение экспертов; флейк (flak) как механизм давления; идеология страха. Для настоящего исследования модель Хомского важна в двух аспектах. Во-первых, она показывает, что «свободные» СМИ могут быть инструментом производства согласия не в силу заговора, но в силу структурных ограничений. Во-вторых, она позволяет анализировать информационные операции против России как системное производство нарративов, проходящих через те же «фильтры» в западном медийном пространстве.

Юваль Ной Харари: антропологические вызовы

Израильский историк и философ Юваль Ной Харари в работах «Homo Deus» и «21 урок для XXI века» анализирует фундаментальные вызовы, которые технологии ставят перед человечеством [13]. Для нашего исследования ключевыми являются следующие тезисы:

1. **Технология взлома человека.** Либеральная демократия исходила из принципа, что наш мозг – это «черный ящик», доступ к которому есть только у нас самих. Однако развитие биотехнологий и искусственного интеллекта создает возможность для «взлома» человека – понимания и предсказания его желаний, чувств и мыслей лучше, чем он сам.

2. **Постправда не как отклонение, а как норма.** Харари указывает, что проблема фейковых новостей не в том, что люди ошибаются, а в том, что технологии позволяют «подкармливать» людей именно той информацией, которую они хотят услышать, замыкая их в когнитивных пузырях.

3. **Кризис образования и необходимость «пересборки» личности.** Традиционная модель образования, основанная на формировании устойчивой личности с пожизненными профессиональными навыками, устаревает. Люди должны быть готовы несколько раз в жизни «пересобрать» себя, учиться новому и адаптироваться.

Концепция когнитивной войны НАТО

Структуры управления когнитивной войной в НАТО

В организационной структуре НАТО выделяются несколько ключевых центров, ответственных за разработку и реализацию концепции когнитивной войны:

- **АСТ (Allied Command Transformation)** – стратегическое командование НАТО по трансформации, дислоцированное в Норфолке (штат Вирджиния, США). АСТ курирует раз-

работку концепций будущих войн, включая когнитивное измерение противоборства. В структуру АСТ входит Центр инноваций НАТО (NATO Innovation Hub – iHub), созданный в 2013 году.

- **StratCom COE (Centre of Excellence)** – Центр передового опыта НАТО в области стратегической коммуникации, расположенный в Риге (Латвия). Специализируется на исследовании гибридных угроз, анализе воздействия социальных медиа, разработке методологий противодействия дезинформации и изучении нейро-войны. Директором центра является Янис Сартс.

- **CMDR COE (Crisis Management and Disaster Response COE)** – Центр передового опыта по управлению кризисами и реагированию на катастрофы, расположенный в Софии (Болгария). Проводит ежегодные курсы и тренинги по когнитивной войне и когнитивному превосходству.

Ключевые фигуры и архитекторы концепции

- **Франсуа дю Клузель (François du Cluzel)** – бывший французский офицер, создатель Центра инноваций НАТО (iHub). В 2020 году по поручению Верховного главнокомандующего ОВС НАТО по трансформации (SACT) он провел шестимесячное исследование, результатом которого стал доклад «Когнитивная война» (Cognitive Warfare) [18]. В 2021 году совместно с Бернаром Клавери выпустил работу «Концепция когнитивной войны» (The Cognitive Warfare Concept) [17]. Главные тезисы дю Клузеля: «мозг станет полем битвы XXI века» (the brain will become the battlefield of the 21st century), «сделать каждого оружием» (weaponize everyone), «милитаризация науки» (militarization of science).

- **Бернар Клавери (Bernard Claverie)** – профессор когнитивных наук Бордоского института технологий, соавтор концепции когнитивной войны. Внес вклад в разработку модели трех уровней поражения и анализ влияния цифровых технологий на когнитивные процессы [17].

- **Джеймс Джордано (James Giordano)** – директор Центра прорывных технологий и будущих войн Института национальных стратегических исследований (INSS) при Университете национальной обороны (NDU). Автор многочисленных публикаций по нейротехнологиям и когнитивной войне. Разрабатывает концепцию конвергенции нейротехнологий и искусственного интеллекта как ускорителя когнитивной войны.

- **Стин Сёндергаард (Steen Søndergaard)** – главный научный советник НАТО (NATO Chief Scientist). В декабре 2025 года выпустил два стратегических отчета по когнитивной войне и устойчивости, представляющих критическое научное и стратегическое видение того, как НАТО может защищать общества, укреплять сдерживание и использовать технологии в эпоху гибридной конкуренции.

- **Пол Грёстад (Paul Grøstad)** – капитан ВМС Норвегии, начальник сектора безопасности и противодействия гибридным угрозам Министерства обороны Норвегии, бывший руководитель группы по когнитивной войне в НАТО АСТ. Один из разработчиков NATO Cognitive Warfare Concept, представленной на утверждение 18 июня 2025 года.

- **Невилл Болт (Neville Bolt) и Элина Ланге-Ионатамишвили (Elina Lange-Ionatamishvili)** – аналитики StratCom COE, соавторы отчета «NextGen Information Environment» (2026), посвященного нейро-войне, агентным системам и отравлению моделей искусственного интеллекта [16].

Три уровня поражения

В концепции д-ра Ключезля и Клавери выделяются три уровня поражения, образующие системную модель когнитивного воздействия:

1. Биологический уровень: непосредственное воздействие на нервную систему как субстрат мысли, эмоции и поведения. Нейронаучные технологии (нейро-война) используются для оценки и целенаправленного изменения физиологических функций с целью нарушить, перенаправить или ухудшить когнитивные способности, психическое состояние и процессы принятия решений.

2. Психологический уровень: воздействие на когнитивные оценки, фрейминг, эмоциональные реакции и паттерны мышления, формирующие индивидуальные и коллективные установки, убеждения и суждения. Технологии искусственного интеллекта позволяют персонализировать стимулы, нацеливаясь на индивидуальные и групповые когнитивные уязвимости.

3. Социальный уровень: воздействие на разделяемые нарративы, коллективные убеждения, институциональную легитимность и общественные ценности. Когнитивное воздействие направлено на разрушение социальной сплоченности, превращение идентичности в оружие (weaponization of identity) и создание эпистемического хаоса.

Когнитивное превосходство

Когнитивная война в понимании НАТО – это борьба за **когнитивное превосходство** (cognitive superiority), которое выстраивается в три последовательных этапа:

- **Ситуационная осведомленность** (situational awareness): сбор и анализ разведывательных данных о противнике, оценка его позиционирования, сил, ключевых партнерств, сетей влияния. Требуется высококачественных, верифицированных данных из множественных источников.

- **Углубленное понимание** (deep understanding): проникновение в логику противника, понимание его стратегического видения, операциональной культуры, методов принятия решений, когнитивных паттернов и ценностных структур.

- **Когнитивное преимущество** (cognitive advantage): способность принимать более быстрые и стратегически более верные решения, чем противник, во всех доменах, что обеспечивает упреждающее действие и навязывание противнику выгодной для себя логики развития событий.

NextGen Information Environment: новые угрозы

В отчёте **Bolt N., Lange-Ionatamishvili E. *The NextGen Information Environment*** (2026) [16] («Информационная среда следующего поколения») выделяется ряд ключевых угроз трансформации информационной среды, в частности:

1. Агентные системы (agentic systems) – автоматизированные агенты, взаимодействующие в масштабах, выходящих за пределы человеческого контроля, фильтрующие и оценивающие релевантность информации способами, уязвимыми для манипуляций.

2. Отравление open-source моделей ИИ – преднамеренное внедрение ложных данных, предназначенных для искажения будущих циклов обучения.

Особое внимание уделяется формированию феномена нейро-войны. Авторы подчёркивают, что конвергенция человека и машины формирует новую технологическую реальность: «Нейро-война становится формирующимся направлением, требующим срочного внимания... Предсказание человеческого сознания и интерпретация нейронных данных уже не являются теоретическими возможностями – они существуют на практике» [16, p. 11].

Теория рефлексивного управления Владимира Лефевра

Владимир Александрович Лефевр (1936–2020) – советский и американский математик, психолог, создатель теории рефлексивных игр и концепции рефлексивного управления. Он начал разрабатывать свои идеи в середине 1960-х годов в СССР, работая в НИИ автоматической аппаратуры имени В. С. Семенихина, где вел инженерно-психологические разработки военного профиля, связанные с моделированием процессов принятия решений в конфликтных ситуациях [6]. В 1974 году эмигрировал в США, где продолжил исследования в Калифорнийском университете в Ирвайне.

Термин «рефлексивное управление» (reflexive control) введен Лефевром в работе «Конфликтующие структуры» (1967) [6]. В этой работе он математически формализовал процесс, в котором один из участников конфликта передает другому основания для принятия решения, приводящие к выгодному для первого результату. Лефевр показал, что управление противником возможно не только через прямое воздействие на его возможности, но и через опосредованное влияние на его модель ситуации и модель самого себя.

Конечная цель рефлексивного управления – заставить противника добровольно принять решение, которое объективно выгодно управляющей стороне, но субъективно воспринимается противником как собственное, соответствующее его интересам и ценностям. Это достигается через формирование у противника такой картины реальности, в которой единственно логичным и морально приемлемым оказывается именно нужное управляющей стороне решение.

Теория рефлексивного управления перестала быть абстрактной математической моделью – сегодня она воплощена в алгоритмической архитектуре систем искусственного интеллекта, управляющих информационными потоками, вниманием и поведением миллионов пользователей.

Современные рекомендательные системы в сетевых мультимедиа платформах, на различных интернет-площадках построены на принципах машинного обучения с подкреплением (reinforcement learning). Архитектура включает следующие компоненты:

1. Сбор поведенческих данных в реальном времени: система анализирует тысячи параметров – время просмотра, повторные просмотры, паузы, скорость пролистывания, лайки, комментарии, репосты, переходы по ссылкам, время суток, геолокацию.

2. Построение многомерной модели пользователя: на основе собранных данных формируется психографический профиль, включающий не только демографические характеристики, но и эмоциональные триггеры, когнитивные стили, ценностные предпочтения, уязвимости и точки наибольшего вовлечения.

3. Оптимизация контента под максимизацию времени удержания: алгоритмы обучаются подбирать последовательность стимулов, максимизирующих дофаминовый отклик и продлевающих сессию.

4. Формирование «информационного пузыря» (filter bubble): система создает замкнутую информационную среду, где пользователю демонстрируется преимущественно контент, подтверждающий его существующие установки, что усиливает эффект предвзятости подтверждения (confirmation bias).

Семантическая фильтрация: неявное рефлексивное управление

Наиболее фундаментальный уровень рефлексивного управления реализуется на этапе формирования самой базы знаний, на которой обучаются модели. Университеты, исследовательские центры, корпоративные лаборатории (преимущественно западные, англоязычные) транслируют не только технические знания, но и имплицитные семантические структуры – способы категоризации мира, оценочные шкалы, иерархии значимости, модели «нормального» и «отклоняющегося». Когда эти инженеры создают алгоритмы, они бессознательно материализуют в коде те семантические паттерны, которые были интериоризированы в процессе обучения. Обучающие выборки формируются из источников, уже несущих определенную ценностную нагрузку (западные медиа, академические публикации, корпоративные датасеты). Критерии «хорошего» и «плохого» контента задаются экспертами, чьи оценки сформированы в той же семантической парадигме. Метрики успеха (вовлеченность, удержание, конверсия) оптимизируют алгоритм под максимизацию показателей, которые сами по себе не нейтральны, а отражают определенную антропологическую модель человека-потребителя.

Результат: алгоритм воспроизводит и усиливает семантические структуры, заложенные в его обучающую базу, выдавая их за объективные, нейтральные, «естественные». Это и есть чистейшее рефлексивное управление, реализованное на самом глубоком уровне:

- Субъект А (западная академическая/корпоративная культура) формирует семантическую базу и критерии оценки.
- Субъект Б (инженеры) интериоризирует эту базу как «объективное знание» и материализует ее в алгоритмах.
- Субъект В (пользователи, включая детей и молодежь по всему миру) получает информационную среду, которая структурирует его восприятие в соответствии с исходной семантической базой, но воспринимает это как «естественный порядок вещей».

Российская школа исследования когнитивной войны

Вардан Багдасарян: теория когнитивных матриц

Концептуальное развитие теории когнитивных матриц представлено в работах В. Э. Багдасаряна. Исследуя феномен «**матриц общественного сознания**» как средства государственного и глобального управления, автор показывает, что современная политическая борьба есть борьба различных когнитивных матриц, а технологии манипуляции направлены на поражение матричных оснований сознания противника [1; 2]. Информация, по Багдасаряну, подчиняется этим матрицам и структурируется на их основе; победа достигается не подавлением воли, а подчинением сознания через трансформацию смысловых парадигм.

В рамках аксиологического подхода в работах ученого выделяются ключевые матрицы, подвергающиеся атаке в когнитивных войнах:

Тип матрицы	Суть матрицы	Ключевые угрозы
Ценностно-смысловая	Базовые ориентации личности, система «добра и зла»	Размывание традиционных ценностей, подмена понятий, дезориентация
Историческая	Восприятие прошлого, историческая идентичность	Фальсификация истории, разрушение связи поколений, культивирование чувства вины
Политико-языковая	Категориальный аппарат мышления о власти	Манипуляция через переопределение слов, навязывание «единственно верного» языка
Идентичности	Чувство принадлежности к общности, образ «своего» и «чужого»	Разжигание межгрупповой розни, раскол общества, демонизация соотечественников
Антропологическая	Определение того, что значит «быть человеком»	Трансгуманизм, «цифровое слабоумие», снижение когнитивных способностей

Андрей Манойло: операциональный анализ

Операционально-технологический подход к анализу информационно-психологического противоборства представлен в работах А. В. Манойло. Исследователь рассматривает информационно-психологические операции как инструмент воздействия на массовое сознание и социально-политические процессы, подчёркивая, что они направлены на манипулирование общественным мнением и дестабилизацию социальной системы.

В частности, отмечается, что «информационно-психологические операции направлены на манипулирование массовым сознанием и дестабилизацию социально-политической системы общества» [7, с. 125].

Владимир Никишин: когнитивный суверенитет

В. Д. Никишин обосновывает необходимость разграничения концептов информационного и когнитивного суверенитета [8]. Под **когнитивным суверенитетом** понимается способность общества и личности самостоятельно определять свою картину мира и защищать её

от деструктивного внешнего воздействия. В его структуру входят медиабезопасность, культурный суверенитет, технологический суверенитет, управленческий суверенитет, правовая безопасность.

Андрей Ковалев: ментальная безопасность

По мнению А. А. Ковалева современные информационные и технологические воздействия способны затрагивать ценностные основания личности, её идентичность и механизмы восприятия реальности. В философских исследованиях проблем безопасности А. А. Ковалев подчёркивает, что «ментальная и экзистенциальная безопасность выступает условием сохранения человеческой свободы, разумности и культурной преемственности в условиях цифровой трансформации» [5, с. 19].

Авторская модель: пять уровней когнитивного поражения

Интеграция рассмотренных подходов позволяет предложить авторскую модель пяти уровней когнитивного поражения, которая описывает комплекс целей в когнитивной войне.

Описание уровней

1. **Ценностно-смысловое ядро** – базовые убеждения, мировоззренческие опоры, система «священного» (то, что человек не готов предать). То, что делает человека «собой». Противник атакует этот уровень через подмену понятий (фрейминг), размывание смыслов, традиционных ценностей, десакрализацию, навязывание чувства вины. Цель – дезориентация: **«Я больше не знаю, что такое хорошо и что такое плохо».**

2. **Восприятие экономической безопасности и социального статуса** – страх потери работы, дохода, положения в обществе, неуверенность в завтрашнем дне. Противник создает негативные экономические прогнозы, транслирует безысходность, запугивает кризисом, формирует образ **«врага, виновного в бедности».** Цель – перевести страх в злость, направленную на власть.

3. **Социальные связи и идентичность** – чувство принадлежности к общности (семья, коллектив, нация), доверие к «своим», горизонтальные связи. Противник разжигает межгрупповую рознь, раскалывает общество на **«своих» и «предателей»**, подрывает доверие к институтам, изолирует индивида, использует культуру отмены.

4. **Эмоционально-волевая сфера** – способность управлять эмоциями, сохранять волю к сопротивлению, не поддаваться панике. Противник индуцирует тревогу, страх, апатию, отчаяние через триггерный контент. Цель – истощить волевой ресурс.

5. **Поведенческие паттерны** – привычки, зависимости, действия «на автомате». Противник программирует реакции через рефлексивный контроль, формирует зависимости (цифровые, поведенческие), управляет массовым поведением через **«вирусные» триггеры.** Цель – заставить человека действовать против своих интересов, не осознавая этого.

Социально-экономическая матрица определяет восприятие человеком своего места в экономической системе, отношение к труду, богатству и бедности, готовность к солидарным действиям, а также базовую дихотомию **«полезный член общества vs паразит/нахлебник».**

Социально-экономическая матрица тесно связана с матрицей антропологической (В. Э. Багдасарян), выступая ее прикладным измерением. Если антропологическая матрица отвечает на вопрос «**что значит быть человеком вообще**», то социально-экономическая конкретизирует его: «**что значит быть человеком в обществе, где необходимо добывать средства к существованию**». Противник, атакуя эту матрицу, стремится свести человека к чистой экономической функции («**ты только то, что ты потребляешь**»), отсекая экзистенциальные, духовные и культурные измерения личности.

Отметим, что социальные механизмы воздействия в условиях когнитивного противоборства ориентированы именно на молодежную аудиторию с учетом ее коммуникативных предпочтений. Ключевым каналом распространения нарративов становятся блогеры и инфлюенсеры, чье «искреннее мнение» воспринимается подростками как референтное, что позволяет маскировать пропаганду под естественную коммуникацию. Широко используются игровые и меметические форматы, позволяющие сводить сложные социально-политические процессы к простым, эмоционально заряженным образам, что лишает явления глубины, но формирует к ним четкое эмоциональное отношение. Проникновение в субкультурные сообщества, геймерские группы, околофилософские объединения позволяет осуществлять постепенную радикализацию участников через «общие интересы», уводя их в сторону деструктивных идеологий [11].

Цифровые угрозы для детей и молодежи: нейрофизиология, риски и стратегии защиты

Уязвимость подрастающего поколения

В современном геополитическом противоборстве особая роль отводится воздействию на подрастающее поколение, поскольку именно дети и молодежь представляют собой наиболее уязвимую категорию для информационно-психологического влияния. Период детства и юности является определяющим для формирования ценностных и мировоззренческих установок, культурной идентичности и исторических представлений. Это делает данную возрастную группу исключительно уязвимой для атак на идентичность.

Воздействие на информационную среду социализации способно деформировать базовые ценностные ориентации через размывание культурного кода, подмену исторических нарративов и демонизацию собственной национальной идентичности. Формирование чувства исторической вины или нигилизма по отношению к прошлому становится инструментом долгосрочного ослабления общества. Параллельно осуществляется целенаправленная трансформация полоролевых и семейных моделей, пропаганда моделей поведения, ведущих к депопуляции, культивированию инфантилизма и разрушению традиционных социальных связей. Насажение культа потребления и успеха любой ценой формирует ценностную матрицу, отчуждающую молодых людей от национальных интересов и делающую их управляемыми через рыночные механизмы.

Нейрофизиология детского мозга: особенности уязвимости

Мозг ребенка и подростка находится в стадии активного формирования. Кора головного мозга, отвечающая за самоконтроль, критическое мышление и долгосрочное планирование, созревает только к 20–25 годам. При этом лимбическая система, отвечающая за эмоции и мгновенное вознаграждение, развита уже в подростковом возрасте.

Это создает нейрофизиологическую ловушку: сильный эмоциональный отклик при слабых механизмах контроля. Повышенная пластичность нейронных связей в сочетании с доминированием эмоциональных реакций создает условия для повышенной восприимчивости к манипулятивным воздействиям [20].

Противник активно эксплуатирует эти особенности через эмоционально насыщенный контент, вызывающий страх, гнев или эйфорию, что блокирует рациональное мышление и способствует некритичному усвоению информации. Одновременно использование механизмов нейропластичности посредством систематического повторения нарративов в сочетании с дофаминовыми стимулами позволяет буквально «вживлять» необходимые идеологические установки, формируя устойчивые нейронные связи, соответствующие целевым паттернам реагирования.

Алгоритмическое управление информационной средой

Современные цифровые платформы на основе анализа пользовательского поведения формируют персонализированные информационные пространства, создавая так называемые «информационные пузыри». Для молодежи, обладающей несформированными навыками критического анализа, это оборачивается закреплением односторонних представлений о социальной реальности, снижением способности к объективной оценке событий и усилением радикальных взглядов.

При этом механизмы переменного подкрепления, используемые в социальных сетях и игровых сервисах, стимулируют дофаминовую зависимость от экранного контента, формируя устойчивые поведенческие паттерны, ведущие к снижению концентрации внимания, распространению клипового мышления и атрофии способности к длительному когнитивному усилию, без которого невозможна полноценная критическая рефлексия.

Фактором, усугубляющим все перечисленные угрозы, выступает **ранняя цифровая социализация**. Современные дети получают доступ к интернету и мобильным устройствам в возрасте, когда традиционные институты социализации – семья и школа – еще не успели сформировать у них необходимых защитных механизмов. В результате цифровая среда становится одним из главных источников формирования мировоззрения, что ведет к частичной утрате семьей и школой монополии на воспитание и ценностное ориентирование.

Цифровая среда порождает специфические психологические угрозы, среди которых кибербуллинг выступает инструментом систематической травли, способной довести жертву до социальной изоляции и тяжелых депрессивных состояний. Особую опасность представляет вовлечение в деструктивные онлайн-игры и сетевые челленджи, где система заданий (квестов) переводит виртуальную активность в реальные действия, чреватые само-

повреждениями, нанесением вреда окружающим или совершением противоправных поступков.

Исследование Global Mind Project, проводимое Sapient Labs и включающее базу данных психического благополучия более чем двух миллионов респондентов из 163 стран, выявило статистически значимую связь между возрастом получения первого смартфона и показателями психического здоровья в молодом и взрослом возрасте. Анализ подвыборки более чем 100 тыс. молодых людей (18–24 лет), опубликованный в журнале *Journal of Human Development and Capabilities*, свидетельствует, что более ранний доступ к смартфону ассоциирован с более низкими показателями психического благополучия, включая ухудшение эмоциональной устойчивости и регуляции, снижение самооценки и рост суицидальных мыслей, агрессию, чувство оторванности от реальности, снижение эмпатии (особенно у юношей) [15; 19; 21].

Стратегические долгосрочные последствия

Таким образом, сочетание нейropsychологической уязвимости незавершенного формирования мозговых структур, особенностей возрастного становления личности и специфики современной цифровой среды с ее алгоритмическим управлением и дофаминовыми механизмами делает детей и молодежь главной целевой аудиторией когнитивной войны.

Воздействие на эту группу направлено не на сиюминутный результат, а на программирование будущего состояния общества. Именно сегодняшние дети и молодежь в перспективе сформируют политическую культуру общества, систему ценностей и доминирующие социальные нормы. Если противнику удастся сформировать «нужные» нейронные связи, ценностные установки и модели поведения у молодых людей, он получает контроль над долгосрочной общественной повесткой. Такое общество через полтора-два десятилетия начнет самостоятельно воспроизводить чуждые идеологемы и разрушать себя изнутри, не осознавая внешнего происхождения этих деструктивных импульсов.

Стратегии защиты детей и молодежи в условиях когнитивной войны

Защита подрастающего поколения от этих угроз требует перехода от реактивных мер информационной гигиены к проактивному формированию устойчивости к манипулятивным воздействиям.

Технологические и регуляторные стратегии

Цифровая среда не может оставаться пространством неограниченного воздействия на детскую психику, что обуславливает необходимость технологических и регуляторных стратегий. Требуется внедрение технологических решений, ограничивающих манипулятивный потенциал алгоритмов: разработка и внедрение **детских версий цифровых платформ** с ограниченными рекомендательными системами; **маркировка контента**, созданного с использованием технологий глубокой подделки (дипфейков); внедрение систем выявления деструктивных сообществ и вербовочных практик.

На регуляторном уровне важно **законодательное закрепление ответственности цифровых платформ** за контент, распространяемый среди несовершеннолетних, включая ограничения на использование дофаминовых механизмов удержания внимания. Важно со-

здание механизмов оперативного блокирования деструктивного контента без ущерба для свободы распространения легальной информации.

Образовательные стратегии

Необходимы образовательные стратегии, ориентированные на формирование когнитивной устойчивости. Фундаментом защиты выступает **системное развитие критического мышления и медиакомпетентности** на всех уровнях образования. Требуется внедрение специализированных курсов по информационно-психологической безопасности, начинающихся с младших классов и адаптированных к возрастным особенностям. Ключевыми элементами выступают: обучение верификации информации; распознавание манипулятивных техник; понимание природы информационных пузырей и алгоритмической персонализации контента.

Важно не просто транслировать знания, а формировать устойчивые навыки через практические занятия, разбор кейсов, моделирование ситуаций информационного воздействия. Особое внимание следует уделять **развитию эмоционального интеллекта и навыков саморегуляции**, позволяющих снижать эффективность апелляции к эмоциям как основного инструмента когнитивной войны.

Ценностно-мировоззренческие стратегии

Целесообразно комплексное применение запретительных мер и позитивного наполнения информационного пространства качественным контентом, формирующим **чувство принадлежности к культурной традиции**, историческую преемственность и понимание национальных интересов без навязчивой дидактики в форматах, органичных для молодежной аудитории: проекты с вовлечением блогеров; интерактивные исторические реконструкции; просветительские цифровые платформы.

Семейно-ориентированные стратегии

Семья остается ключевым институтом формирования устойчивости, однако современные родители зачастую сами не обладают достаточными компетенциями в области цифровой безопасности, что актуализирует семейно-ориентированные стратегии.

Актуально создание **системы просвещения родителей**, включающей доступные образовательные программы, консультационные центры, памятки и рекомендации по выстраиванию цифрового воспитания. Важно формировать **культуру доверительного общения в семье**, где ребенок может обсуждать увиденное в сети, не опасаясь наказания или непонимания. Родители должны становиться не «надзирателями», а компетентными проводниками в цифровой реальности, способными совместно с детьми анализировать контент и вырабатывать критическое отношение к нему.

Дополнением выступают **психолого-педагогические стратегии**, предполагающие подготовку педагогов и школьных психологов к распознаванию маркеров вовлечения в деструктивные сообщества, изменений поведенческих паттернов, признаков кибербуллинга и суицидальных рисков, а также создание доступных служб психологической помощи, включая анонимные онлайн-консультации, ориентированные на подростковую аудиторию. Необходим мониторинг внешних деструктивных воздействий и оперативное информирование

населения о выявляемых кампаниях влияния, направленных на молодежь, с разъяснением их целей и методов. Здесь может быть применена **методология анализа слабых сигналов**, разработанная в теории стратегического управления: выявление зарождающихся информационных кампаний до их выхода на широкую аудиторию; обнаружение изменений в тональности и тематике медийного пространства; идентификация новых каналов и методов распространения деструктивного контента; прогнозирование точек бифуркации в общественных настроениях.

Контентные стратегии: создание позитивной альтернативы

Стратегически продуктивным является **создание на основании традиционных духовно-нравственных ценностей [11] качественного, привлекательного отечественного контента**, способного конкурировать с зарубежными платформами за внимание молодежи. Это касается не только развлекательной сферы, но и просветительских, образовательных, научно-популярных проектов, использующих современные форматы: подкасты; видеоблоги; интерактивные игры; визуальные новеллы.

Значимо формирование **пула молодых лидеров мнений**, транслирующих просоциальные ценности на языке, понятном сверстникам, без излишней официальности и морализаторства.

Инвестиции в когнитивный иммунитет подрастающего поколения представляют собой **стратегический приоритет**, определяющий способность общества сохранять суверенитет и устойчивость перед лицом долгосрочных деструктивных воздействий.

Практические рекомендации для родителей (10 конкретных шагов) на основе анализа эмпирических данных и экспертных оценок:

1. Не давать смартфон до 13 лет (данные Global Mind Project) [19; 21].
2. Использовать кнопочные телефоны для связи до этого возраста.
3. Контролировать экранное время, полностью исключив нахождение ребенка с гаджетом во время, отведенное для сна.
4. Установить родительский контроль на всех устройствах.
5. Объяснять механизмы работы алгоритмов: что лайки и уведомления созданы, чтобы удерживать внимание.
6. Не использовать гаджеты как поощрение или наказание.
7. Формировать цифровую гигиену личным примером.
8. Стимулировать офлайн-активности (спорт, творчество, живое общение).
9. Обсуждать с ребенком увиденное в сети, создавать доверительную атмосферу.
10. Создавать безопасное пространство для вопросов о том, что встревожило в интернете.

Рекомендации для педагогов:

1. Использовать методологию «равный-равному» для обсуждения киберугроз (когда для молодежи разбор фейков проводят популярные лидеры мнений из их же среды).
2. Обучать распознаванию AI-сгенерированного контента (дипфейков).

3. Организовывать тренинги по противодействию кибербуллингу.
4. Информировать родителей и детей о нейрофизиологических механизмах цифровой зависимости.

Рекомендации для государства:

1. Принять законодательные ограничения по возрасту доступа к соцсетям (по примеру Австралии – запрет до 16 лет, Франции – запрет до 15 лет).
2. Развивать отечественные платформы с альтернативными семантическими базами и онтологиями.
3. Финансировать программы психологической помощи детям, пострадавшим от киберугроз.
4. Создать систему мониторинга слабых сигналов для раннего выявления деструктивных трендов.
5. Внедрить обязательное цифровое образование в школах.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Когнитивная война не является случайным феноменом, но закономерным результатом эволюции стратегической среды.

2. Философское осмысление когнитивной войны требует обращения к постструктуралистской традиции: концепция власти-знания М. Фуко позволяет понять, как контроль над информацией формирует саму реальность; ризоматическая модель Ж. Делёза и Ф. Гваттари описывает децентрированные сетевые структуры современного информационного пространства; деконструкция Ж. Деррида выявляет механизмы размывания традиционных смыслов. Критическая теория медиа Н. Хомского демонстрирует структурную встроенность СМИ в систему производства согласия, а антропологический подход Ю. Н. Харари предупреждает о возможности технологического «взлома» человека.

3. Институционализация когнитивных операций достигла высокого уровня в структурах НАТО (ACT, iHub, StratCom COE, CMDR COE). Ключевые фигуры (Ф. дю Клузель, Б. Клавери, Дж. Джордано, С. Сёндергаард, П. Грёстад) разработали концепцию когнитивной войны, включающую три уровня поражения (биологический, психологический, социальный), милитаризацию науки и когнитивное превосходство. Документы NextGen Information Environment (2026) фиксируют новые угрозы: нейро-войну, агентные системы, отравление моделей ИИ.

4. Теория рефлексивного управления В. А. Лефевра дает математический аппарат понимания когнитивных операций. Через ранги рефлексии и воздействие на «внутренний монитор» противник навязывает свои решения, которые жертва воспринимает как собственные. Технологическая реализация этих принципов осуществляется через алгоритмы ИИ, где семантическая фильтрация данных на этапе обучения моделей является глубочайшей формой рефлексивного управления.

5. Российская школа исследования когнитивной войны представлена фундаментальными разработками: теория когнитивных матриц В. Э. Багдасаряна (ценностно-смысловая, историческая, политико-языковая, идентитарная, антропологическая), операциональный анализ А. В. Манойло, концепция когнитивного суверенитета В. Д. Никишина и теория ментальной безопасности А. А. Ковалева.

6. Авторская модель пяти уровней когнитивного поражения позволяет анализировать противоборство как системное поражение ценностно-смыслового ядра, экономической безопасности, социальных связей, эмоционально-волевой сферы и поведенческих паттернов.

7. Цифровые угрозы для детей и молодежи, как одной из ключевых аудиторий когнитивной войны требуют особого внимания. Показательны данные Global Mind Project (2025), которые свидетельствуют: раннее использование смартфонов (до 13 лет) ведет к суицидальным мыслям, агрессии, нарушению сна, кибербуллингу и дофаминовой зависимости.

8. Эффективная защита требует перехода от реактивной модели к проактивному формированию когнитивной устойчивости личности и общества на основе методологии анализа слабых сигналов, принципов когнитивного суверенитета, образовательной стратегии (с акцентом на методологию «равный-равному»). Предложенные 10 шагов для родителей, рекомендации для педагогов и государства могут стать основой практических действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Багдасарян, В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа / В. Э. Багдасарян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2020. – № 1. – С. 8-23. – DOI 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23. – EDN PVTZAS.

2. Багдасарян, В. Э. Матрицы общественного сознания. М. : Наше завтра, 2021. 416 с.

3. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. Свирского. – М. : АСТ, 2020. – 896 с.

4. Деррида, Ж. О грамматики / пер. с фр. Н. Автономовой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 512 с.

5. Ковалев, А. А. Ментальная и экзистенциальная безопасность человека как философская проблема в условиях цифровой трансформации / А. А. Ковалев // Социум и власть. – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 7-25. – EDN WLSCTS.

6. Лефевр, В. А. Конфликтующие структуры. – М. : Советское радио, 1967. – 240 с.

7. Манойло, А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. – М. : МИФИ, 2003. – 388 с.

8. Никишин, В. Д. Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (часть 2) / В. Д. Никишин // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 12(217). – С. 140-155. – DOI 10.17803/1729-5920.2024.217.12.140-155. – EDN ESYDPC.

9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

10. Помощник Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Дмитрий Грибков выступил на «Инфофоруме-2026» // Совет Безопасности Российской Федерации. 30.01.2026. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3958/> (дата обращения: 09.02.2026).
11. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
12. Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2023. – 416 с.
13. Харари, Ю. Н. 21 урок для XXI века / пер. с англ. Ю. Гольдберга. – М.: Синдбад, 2019. 416 с.
14. Хомский, Н., Герман, Э. Производство согласия / пер. с англ. М. Некрасова. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2023. – 512 с.
15. Anggraeni, S. W., Robandi, B., Rahman The Impact of TikTok Social Media on Children's Language Politeness // KEMBARA: Jurnal Keilmuan Bahasa, Sastra, dan Pengajarannya. – 2023. – Vol. 9. – No. 2. – P. 527-541.
16. Bolt, N., Lange-Ionatamishvili, E. The NextGen Information Environment. – Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2026. – 98 p.
17. Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept. NATO Innovation Hub, 2021. 78 p.
18. du Cluzel, F. Cognitive Warfare. NATO Innovation Hub, 2020. – 45 p.
19. Global study of more than 100,000 young people latest to link early smartphone ownership with poorer mental health in young adults // Taylor & Francis Newsroom. 21.07.2025. URL: <https://newsroom.taylorandfrancisgroup.com/global-study-of-more-than-100000-young-people-latest-to-link-early-smartphone-ownership-with-poorer-mental-health-in-young-adults/> (дата обращения: 09.01.2026).
20. Klitochenko, G. V., Malyuzhinskaya, N. V., Lukash, A. I. Adolescent Brain Development: Features and Risk Factors // Modern Problems of Science and Education. – 2024. – № 4. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33535> (дата обращения: 25.02.2026).
21. Thiagarajan, T. C., Newson, J. J., Swaminathan, S. Protecting the Developing Mind in a Digital Age: A Global Policy Imperative // Journal of Human Development and Capabilities. – 2025. – Vol. 26. – No. 3. – P. 493-504. DOI: 10.1080/19452829.2025.2518313.

REFERENCES

1. Bagdasaryan, V. E`. Kognitivny`e matricy manipulyativny`x texnologijv vojnaх i revolyuciyax novogo tipa / V. E`. Bagdasaryan // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. – 2020. – № 1. – S. 8-23. – DOI 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23. – EDN PVTZAS.
2. Bagdasaryan, V. E`. Matricy obshhestvennogo soznaniya. – М. : Nashe zavtra, 2021. – 416 s.

3. Delyoz, Zh., Gvattari, F. Ty`syacha plato. Kapitalizm i shizofreniya / per. s fr. Ya. Svirskogo. – M. : AST, 2020. – 896 s.
4. Derrida, Zh. O grammatologii / per. s fr. N. Avtonomovoj. – M.: Ad Marginem Press, 2020. – 512 s.
5. Kovalev, A. A. Mental`naya i e`kzistencial`naya bezopasnost` cheloveka kak filosofskaya problema v usloviyax cifrovoj transformacii / A. A. Kovalev // Socium i vlast`. – 2025. – T. 22, № 2. – S. 7-25. – EDN WLSCTS.
6. Lefevr, V. A. Konfliktuyushhie struktury`. – M. : Sovetskoe radio, 1967. – 240 s.
7. Manojlo, A. V. Gosudarstvennaya informacionnaya politika v osoby`x usloviyax. – M.: MIFI, 2003. – 388 s.
8. Nikishin, V. D. Pravovoe obespechenie mediabezopasnosti i kognitivnogo suvereniteta: vy`zovy` social`noj inzhenerii, gibridny`x vojn i mexanizmov Web 3.0 (chast` 2) / V. D. Nikishin // Lex Russica (Russkij zakon). – 2024. – T. 77, № 12 (217). – S. 140-155. – DOI 10.17803/1729-5920.2024.217.12.140-155. – EDN ESYPDC.
9. Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 2021. № 27 (ch. II). St. 5351.
10. Pomoshhnik Sekretarya Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii Dmitrij Gribkov vy`stupil na «Infoforume-2026» // Sovet Bezopasnosti Rossijskoj Federacii. 30.01.2026. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3958/> (data obrashheniya: 09.02.2026).
11. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej» // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 2022. № 46. St. 7977.
12. Fuko, M. Nadzirat` i nakazy`vat`: Rozhdenie tyur`my` / per. s fr. V. Naumova. – M. : Ad Marginem Press, 2023. – 416 s.
13. Xarari, Yu. N. 21 urok dlya XXI veka / per. s angl. Yu. Gol`dberga. – M.: Sindbad, 2019. 416 s.
14. Xomskij, N., German, E`. Proizvodstvo soglasiya / per. s angl. M. Nekrasova. – M. : Ad Marginem Press, 2023. – 512 s.
15. Anggraeni, S. W., Robandi, B., Rahman The Impact of TikTok Social Media on Childrens Language Politeness // KEMBARA: Jurnal Keilmuan Bahasa, Sastra, dan Pengajarannya. 2023. – Vol. 9. – No. 2. – P. 527-541.
16. Bolt, N., Lange-Ionathamishvili, E. The NextGen Information Environment. – Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2026. – 98 p.
17. Claverie, B., du Cluzel, F. The Cognitive Warfare Concept. NATO Innovation Hub, 2021. – 78 p.
18. du Cluzel, F. Cognitive Warfare. NATO Innovation Hub, 2020. – 45 p.
19. Global study of more than 100,000 young people latest to link early smartphone ownership with poorer mental health in young adults // Taylor & Francis Newsroom. 21.07.2025. URL: <https://newsroom.taylorandfrancisgroup.com/global-study-of-more-than-100000-young->

people-latest-to-link-early-smartphone-ownership-with-poorer-mental-health-in-young-adults/ (data obrashheniya: 09.01.2026).

20. Klitochenko, G. V., Malyuzhinskaya, N. V., Lukash, A. I. Adolescent Brain Development: Features and Risk Factors // Modern Problems of Science and Education. – 2024. – № 4. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33535> (data obrashheniya: 25.02.2026).

21. Thiagarajan, T. C., Newson, J. J., Swaminathan, S. Protecting the Developing Mind in a Digital Age: A Global Policy Imperative // Journal of Human Development and Capabilities. 2025. Vol. 26. No. 3. P. 493-504. DOI: 10.1080/19452829.2025.2518313.

Информация об авторе

Антон Иванович Лукаш, кандидат социологических наук, член Российского военно-исторического общества. Региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество», ул. Мира, 13, 400066, Волгоград, Россия, luka-6@yandex.ru, SPIN-код: 6958-8158, AuthorID: 704218

Information about the Author

Anton I. Lukash, Candidate of Sociological Sciences, member of the Russian Military Historical Society. Regional Branch of the All-Russian Public-State Organization «Russian Military Historical Society», Mira, st. 13, 400066, Volgograd, Russian Federation, luka-6@yandex.ru, SPIN-код: 6958-8158, AuthorID: 704218

Для цитирования: Лукаш А. И. Когнитивная война: диагностика угроз и стратегии активной защиты // Парадигмы управления, экономики и права. – 2026. – Т. 7, № 1 (19). – С. 48-70. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2026_N1.pdf